

Е. А. Алексеенко

Кетские собрания МАЭ

Кетский материал в собраниях МАЭ представлен рядом предметных и иллюстративных коллекций, собранных за период с середины XIX в. по 1970-е годы. Собрания включают более 610 экспонатов. Хотя они многочисленны по сравнению с другими сибирскими коллекциями, их отличает особая качественная сторона, обусловленная тем, что основу их составляет комплексный, систематически собранный квалифицированными специалистами материал. Наиболее значительные сборы (коллекции В. И. Анучина и Н. К. Каргера) были осуществлены еще в период широкого бытования традиционных форм, и это определило их полноту. Большинство собирателей стремилось документировать полученный материал необходимыми информационными и терминологическими данными, результатами своих личных наблюдений. Эти сведения нашли отражение в коллекционных описях (многие из них составлены самими собирателями) и отдельных публикациях. Предметный материал, доставляемый из этнографических экспедиций, как правило, дополнялся негативами и рисунками. В результате деятельности собирателей МАЭ располагает надежным материалом, достаточно полно представляющим все основные стороны самобытной культуры кетов. Ряд экспонатов, особенно культовых, имеет уникальное значение, многие из них еще ждут своего исследования и публикации.

Первый экспонат поступил в середине XIX в. от известного исследователя самодийских и енисейских языков М. А. Кастрена. В числе других вещей, переданных М. А. Кастреном в Музей после возвращения из путешествия по Сибири в 1845—1849 гг., находилась круглая с крышкой берестяная коробочка, украшенная с наружной стороны орнаментом (рис 1). На коробке имеется надпись: «Arbeit d. Ostjaken am Jenissey v. Dr. Castren, 1846». В подобных изделиях из бересты кеты и в настоящее время хранят продукты (чай, сахар) или какие-либо мелкие предметы. Орнамент (сочетание вильчатых фигур) также очень традиционен для прикладного искусства кетов. В собраниях Музея он представлен

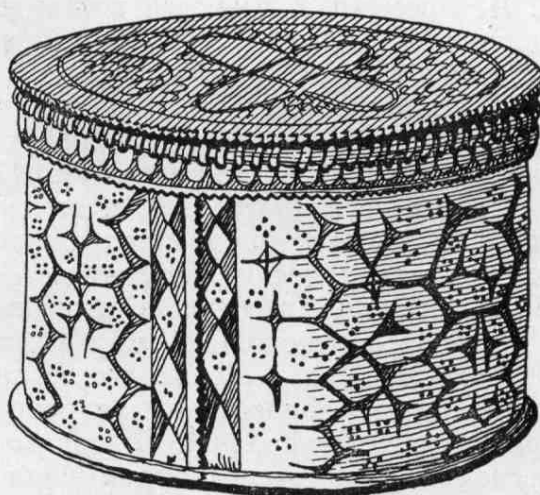

Рис. 1. Берестяная коробочка, доставленная М. А. Кастреном (№ 27-40).

вышивкой подшейным волосом оленя, рисунком охрой и т. д. В той же коллекции имеется шаманский головной убор из листовой латуни (27-25); точная принадлежность предмета не обозначена, но местом приобретения назван в описи пос. Инбацкое, входящий в зону прежнего и современного расселения кетов. Характер головного убора очень специфичен и не имеет прямых аналогий в известном для кетов материале (то же можно сказать и о следующем в списке шаманском костюме). Возможно, эти вещи селькупского происхождения.

В 1894—1907 гг. ряд поездок по Енисейской губ. осуществил П. Е. Островских, бывший тогда податным инспектором Туруханского округа, действительным членом Красноярского подотдела Русского географического общества. В числе собранных им для музея экспонатов имеется несколько кетских: антропоморфные и зооморфные фигуры из дерева с родового священного места (*холай*) вблизи устья р. Сургутихи (кол. № 584, 617), а также снимки (кол. № 885) этого места.¹ Несмотря на малочисленность (5 предметов), поступление П. Е. Островских очень ценно, так как материала о кетских холай мало, получен он поздно и носит преимущественно информационный характер.²

Заслуживает особого внимания одна из антропоморфных фигур, значащаяся в описи как «женское божество» и «родовой дух» (регистратор Д. А. Клеменц).³ Имеются достаточные основания видеть здесь изображение самой Холай — хозяйки одноименного священного места. Согласно информационным данным, у Холай обязательно должен был быть медведь — ее охранитель и помощник шамана данного рода. Подобное изображение, возможно, представляет собой одна из зооморфных фигур, доставленных П. Е. Островских (№ 617-3).

Первое десятилетие XX в. стало началом специального этнографического изучения кетов и временем поступления в Музей большого, впервые систематически собранного материала. Собирателем его был В. И. Анучин, в течение нескольких лет (1905—1908) выезжавший к кетам по поручению Музея и Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии.⁴ Целью его экспедиционных поездок было лингвистическое, этнографическое и антропологическое изучение кетов, а также приобретение коллекций.⁵ В организации поездок и руководстве их непосредственное участие принимали В. В. Радлов и Л. Я. Штернберг.

Приобретенный В. И. Анучиным для МАЭ материал составил три предметные (более 240 ед.) и несколько иллюстративных (рисунки, негативы) коллекций.⁶ Описи коллекций были составлены самим собирателем, использовавшим полевую информацию, терминологию. Разнообразен собранный В. И. Анучиным материал — орудия охоты (лук и стрелы с различными наконечниками, колчаны, ловушки, предметы охотничьего

¹ Аналогичные материалы, собранные П. Е. Островских, хранятся в Государственном музее этнографии (ГМЭ) в Ленинграде (кол. № 255).

² Большое сургутихинское мольбище в этом плане занимает особое положение: последние антропоморфные фигуры оттуда, собранные уже как подъемный материал, попали в Музей в конце 1950-х годов (кол. № 6531).

³ Иванов С. В. Скульптура народов Севера Сибири (XIX в.—первая половина XX в.). Л., 1970, с. 135, рис. 122.

⁴ ЛО ААН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 63, л. 73; № 58, л. 97, 283; Анучин В. И. Предварительный отчет по поездке к енисейским осякам в 1905 г. — Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, СПб., 1906, т. 6, с. 38—50; ЦГА УзССР, ф. № 1726, оп. 1.

⁵ Анучин В. И. Очерк шаманства у енисейских осяков. — Сб. МАЭ, СПб., 1914, т. II, с. 2.

⁶ Кол. № 1048, 1238, 1311, 1196, 1227. Три иллюстративных экспоната (2 портрета и рисунок стойбища), выполненных известным красноярским художником Д. Н. Каратановым, включены в предметную коллекцию (№ 1048-51, 52, 144).

снаряжения) и рыболовного промысла (острога, удочка, ставная сеть и др.). Характерными инструментами представлены такие занятия, как обработка дерева (стружок, сверло, ножи), выделка шкур (скребок, мялка), прядение, витье веревок из лыка, кузнечество. Об особенностях домашнего быта свидетельствует ряд предметов оборудования чума и интерьера (берестяные покрышки и дверь, деревянные колыбель, низкий столик, таган). Очень полно представлена утварь: посуда из дерева, кости и бересты; изделия из шкур и кожи животных, птиц, рыб. Для этих предметов характерно искусное использование естественных качеств и формы материала. В. И. Анучину не удалось получить полного набора традиционной одежды, бытовавшей у кетов в конце XIX—начале XX в. В его коллекциях представлены широко распространенная в то время распашная одежда из сукна (*хотлам*), одинаковая по покрою в мужском, женском и подростковом вариантах, а также комплект зимней одежды мужчин (меховая парка и обувь с камусной головкой и суконными голенищами). К обуви имеются орнаментированные (вышивка цветным бисером) подвязки из сукна (их завязывали поверх голенища ниже колен), сухая трава, заменявшая портянки, и гребень для расчесывания ее.

Образцы нижней одежды из покупной ткани (мужская рубаша и женское платье) отражают влияние народной одежды местного русского населения; специфику покроя сохраняли в то время мужские штаны и женские натазники. Благодаря собирательской деятельности В. И. Анучина в Музее оказались в подлинниках все основные виды транспортных средств кетов: лодка-долбленка, ручная нарта (женская)⁷ и лямки для их перетаскивания из медвежьей и налимьей шкуры, лыжи (зимние, оклеенные камусом, и весенние — голицы) с посохом (мужским и женским), оленья упряжь. От больших крытых лодок-илимок (в коллекциях Музея они представлены моделями; см. ниже) В. И. Анучиным было доставлено несколько наверхий (флюгеров) мачт. В их оформлении обращает внимание сочетание традиционных культовых элементов (использование части шаманского посоха) и миссионерского влияния (изображения церкви, крестов).⁸

Чрезвычайно интересны орнаментированные спинки (задники) ручных нарт, на которых кеты перевозили предметы культа (№ 1048-126—128, 143). Они ценны не только как образцы резьбы по дереву. Устойчивость композиции (сюжет предстояния, мировое дерево) обусловлена ее явными мифологическими корнями. В начале XX в. такие же дощечки прикрепляли над входом в крытую часть (она использовалась для жилья) илимки. Подобные экспонаты и далее привлекали внимание собирателей и неоднократно публиковались.⁹ Однако давно забытая символика рисунка не расшифрована, и эти уникальные образцы связи искусства и мифологии ждут дальнейшего изучения. Своеобразны по оформлению доставленные В. И. Анучиным курительные трубки (рис. 2, а, б), украшенные инкрустацией свинцом, оловом, медью. Согласно сведениям собирателя, фигуры на трубках изображали духов, кометы, звезды, белок-летяг и т. д. (№ 1048-70—75). Особый интерес представляют оригинальные трубки, при изготовлении которых мастер использовал естест-

⁷ Кол. № 1238-4. В 1940 г. в Музей поступила еще одна ручная нарта кетов, приобретенная Н. П. Никульшиным во время экспедиции к сымским эвенкам (№ 5778).

⁸ Анучин В. И. Очерк шаманства... с. 63—66, рис. 63, 65, 66.

⁹ Там же, с. 68—69, рис. 67, 68, 69, 70; Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—нач. XX в. М.—Л., 1954, с. 86—89, рис. 72—79.

венные формы дерева, напоминающие фигуры животных (медведя, собаки). Их изготовляли наиболее опытные мастера. Вкус и наблюдательность, проявляющиеся здесь, позволяют отнести эти предметы к незаурядным произведениям кетского народного искусства.¹⁰ Традиция изготовления фигурных трубок была утрачена; в других кетских коллекциях подобные экспонаты отсутствуют.

В числе других редких предметов из коллекций В. И. Анучина можно упомянуть шашки, одна половина деревянных фигур в которых символизирует мужчин, другая — женщин.¹¹ Двучленность кетских шашек послужила поводом для интересной параллели с шашками, обнаруженными при раскопках Мохенджо-Даро.¹² Однако, как представляется, прежде всего следует обратить внимание на значительно более близкие аналогии (шашки хантов, долган, чукчей).¹³

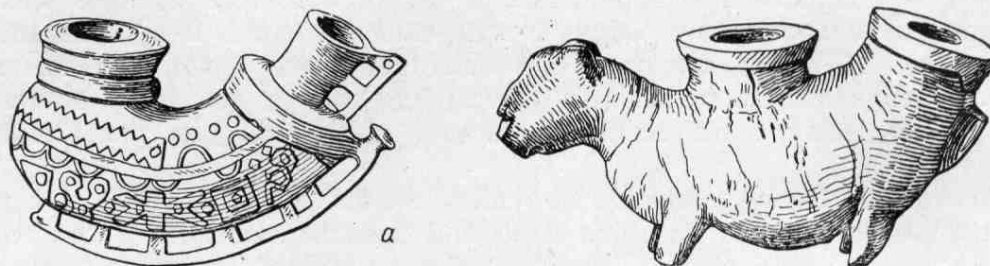

Рис. 2. Курительные трубки.

а — № 1048-75; б — № 1048-76.

Большое внимание В. И. Анучин уделил изучению шаманства и других народных верований и культов кетов. Ему первому удалось собрать обширный, уникальный материал. В коллекциях представлены промысловые амулеты, изображения семейных охранителей, шаманские атрибуты и облачение (парка, нагрудник, головной убор, обувь, бубен с колотушкой, изображения помощников). Как свидетельствуют более поздние информационные данные, доставленный и опубликованный В. И. Анучиным комплект облачения принадлежал шаману наиболее распространенной у кетов категории, олицетворявшего собой оленя (*қадукс*).¹⁴ Этот материал почти целиком вошел в известную монографию В. И. Анучина по шаманству кетов.¹⁵ К нему постоянно обращаются не только специалисты по кетской этнографии и языку, но и другие исследователи — археологи, религиоведы, искусствоведы, историки культуры народов Сибири и других регионов.

В 1914 г. в Туруханский край был командирован Музеем И. М. Сулов.¹⁶ От него поступила немногочисленная (11 ед.) коллекция предметов культа. Наиболее интересен в ней один экспонат — антропоморфное изображение, которое, согласно данным описи, составленной собирателем,

¹⁰ См. таблицу предметов быта кетов в кн.: Народы Сибири. М.—Л., 1956, с. 690; Иванов С. В. Скульптура народов Севера Сибири, с. 126, рис. 112.

¹¹ Кол. № 1238-8; Анучин В. И. Очерк шаманства..., с. 40, 43, рис. 11, 12, 13.

¹² Иванов В. В., Топоров В. Н. Лингвистические вопросы этногенеза кетов в связи с проблемой вхождения их в циркумполярную область. — В кн.: VII Междунар. конгресс антропол. и этногр. наук. М., 1964, с. 12.

¹³ Кол. № 1525; Вдовин И. С. Ваегские чукчи. — Сибирский этногр. сб., М., 1962, IV, с. 160—161.

¹⁴ Впервые этот термин записал Н. К. Каргер как название железного головного убора с изображением рогов.

¹⁵ Анучин В. И. Очерк шаманства...

¹⁶ Станюкович Т. В. Музей антропологии и этнографии за 250 лет. — Сб. МАЭ, Л., 1964, т. XXII, с. 94.

постоянно находилось при шамане.¹⁷ С большой долей вероятности (сведения И. М. Сулова здесь находят подтверждение в более позднем поле-вом материале) в нем можно предполагать изображение главного помощника шамана — *кут* (первоначально — материализация собственно шаманского дара). Отсутствие терминологии, однако, не позволяет решить вопрос окончательно.

Основу поступлений, пополнивших кетский фонд в советское время, составляет многочисленная (свыше 170 предметов) коллекция № 4034, собранная в конце 1920-х годов сотрудником Музея, учеником В. Г. Богораза и Л. Я. Штернберга Н. К. Каргером. В 1928 г. он по заданию Академии наук выехал в Туруханский район для изучения этнографии, языка, хозяйственного и культурного состояния кетов.¹⁸ По систематичности сбора это поступление близко к коллекциям В. И. Анучина. Некоторые стороны своеобразной культуры кетов получили в нем более полное представление, а ряд предметов имеет уникальное значение.

Более всего пополнилась одежда. Впервые в Музей был доставлен редкий экземпляр распашной одежды из ровдуги, которая к концу XIX в. уже вышла из употребления и не попадала в руки собирателей (№ 4034-111). Новыми в кетских собраниях явились также распашная одежда на меховой подкладке, ровдужная обувь, налобник из беличьих хвостов. С этого момента МАЭ располагает уже полным набором традиционной одежды кетов. Проникновение в их быт новых элементов, связанных с оленеводческим комплексом, отразилось в появлении глухой меховой одежды самодийского типа, один вид которой (малица) был доставлен Н. К. Каргером. Заслуживает внимания редкий предмет — накосное украшение мужчин, также впервые появляющееся в коллекциях по кетам, орнаментированные подвязки к мужской обуви.

Список уже известных предметов охотничьего промысла (лук и стрелы, колчан, ловушки, детали снаряжения охотника) дополнили новые экспонаты — футляр для хранения стрел во внепромысловое время, иные наконечники стрел. Поступление Н. К. Каргера позволило расширить представление об утвари и других предметах домашнего быта. В их числе впервые появляются своеобразные сумки для мягких вещей (*кайүэј*), игольник из птичьей кости (№ 4034-106, 132, 136) и т. д. Среди орудий труда имеется редкий предмет — шило из мамонтовой кости, использовавшееся при сшивании бересты (№ 4094-109).

Впервые в кетских коллекциях появляется полная оленья упряжь и ряд других вещей, связанных с транспортным оленеводством (хорей, аркан, колодка). Собачья упряжь представлена обеими известными у кетов видами лямок (шейно-грудной и тазовой). В коллекцию включены также модели всех видов лодок (долбленки, дощанки и илимки). Пополнилось число орнаментированных спинок ручных нарт, наверший мачт крытых лодок и т. д. (№ 4034-65, 50, 51).

Особую ценность представляет материал, отражающий религиозные представления и культы. В числе уникальных экспонатов здесь следует назвать антропоморфные изображения болезни (№ 4034-162—164), комплект шаманского облачения (в том числе мягкий головной убор начинающего шамана). Интересно единственное в коллекции Музея изображение символической жены шамана (№ 4034-161, 166).

¹⁷ Опись кол. № 2355-1. Данные описи подробно приведены в книге С. В. Иванова «Скульптура народов Сибири...» (с. 130).

¹⁸ См.: Каргер Н. К. 1) Кетский язык. — В кн.: Языки и письменность народов Севера. Ч. III. 1934; 2) Оленеводство у енисейцев (кетов). — Сов. Север, 1930, № 6.

Поступление Н. К. Каргера, дополненное значительной коллекцией негативов (№ 1268), является важным источником материала для всех, кто обращается к кетской этнографии. Публикацию получили преимущественно отдельные предметы культа и образцы прикладного искусства.¹⁹

Дальнейшее пополнение кетского фонда Музея, начавшееся в послевоенное время, связано с экспедиционной деятельностью сотрудников Института этнографии АН СССР. Видный советский сибиревед Б. О. Дол-

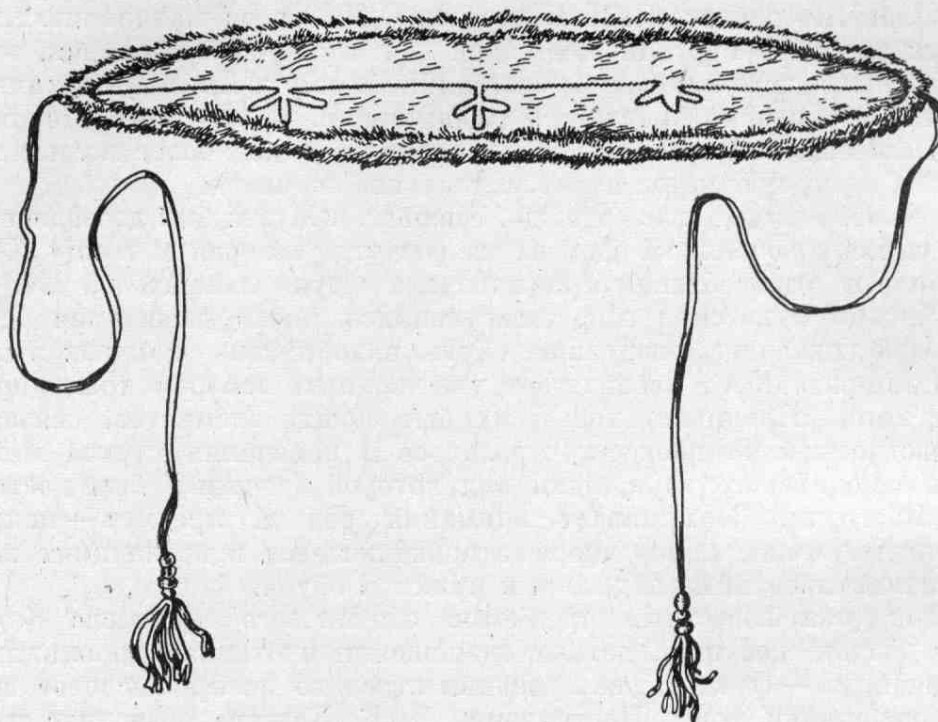

Рис. 3. Налобная повязка начинающего шамана (№ 6661-72).

гих, внесший большой вклад в изучение кетов,²⁰ передал свыше 30 экспонатов (№ 4919), полученных во время поездки на Подкаменную Тунгуску со студентами МГУ в 1948 г. В их числе имеется лук со стрелами, об одной из которых известно, что она подобна боевым стрелам, использовавшимся некогда при военных столкновениях (предмет был изготовлен по заказу).²¹ Заслуживают внимания культовые изображения,²² задники нарт, накосное мужское украшение (№ 4919-20, 21, 31) и др. Кроме подлинных вещей, от участников этой поездки поступили модели одежды и лодки-илимки.²³

Самые поздние поступления по кетам (собратели Е. А. Алексеенко, Р. Ф. Итс, Л. Л. Левизи) относятся к 1950—1970-м годам и составляют

¹⁹ Иванов С. В. 1) Материалы по изобразительному искусству..., с. 86, 87, 96, 97; 2) Скульптура народов Севера Сибири, с. 134.

²⁰ См.: Топоров В. Н. Библиография по кетскому языку. — Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М., 1969, с. 251—252.

²¹ Кол. № 4919-7.

²² Кол. № 4919-23—25. Опубликовано: С. В. Иванов. Скульптура народов Севера Сибири, с. 133, рис. 119, 120.

²³ Последнюю передал в Музей (кол. № 6006) в 1949 г. С. И. Вайнштейн, автор многочисленных трудов, в том числе и по этнографии кетов (см.: Топоров В. Н. Библиография по кетскому языку, с. 281—282).

свыше 160 предметов (№ 6351, 6661, 6769, 6787). Эти сборы осуществлялись в условиях активного переустройства быта кетов; интенсивного распространения советских форм культуры. Собиратели стремились в первую очередь пополнить кетские собрания отсутствующими экспонатами, продублировать редкие или единичные предметы. Одни из приобретенных в эти годы вещей (лук и стрелы, посуда из дерева и кости, распашная одежда из сукна и на меховом подкладе, накосные украшения и др.) уже вышли из употребления — кеты извлекали их из таежных лабазов, с чердаков жилищ. Другие (обувь с камусной головкой, берестяная утварь, орудия обработки шкур и т. д.) являются образцами традиционных форм, нашедших свое место в современной бытовой культуре народа, не претерпев при этом существенных изменений. Наконец, некоторые экспонаты отражают процесс видоизменения, усовершенствования старых форм материальной культуры. Примером тому служит меховая мужская парка, сшитая уже не из одной, а нескольких оленьих шкур, скроенная в талию, с воротником, манжетами и другими новыми деталями (№ 6661-1).

Особо в коллекциях последнего десятилетия следует выделить материал, представляющий традиционные верования и культы. Значительная часть его в собраниях Музея появилась впервые, открывая новый источник знаний по духовной культуре кетов. Так, например, информационные данные, позволяющие говорить о существовании в прошлом нескольких категорий шаманов, дополнились материальными свидетельствами этого явления. Прежде всего, следует упомянуть уникальные предметы облачения шамана категории *кандэл'ок*. Впервые в Музей поступила налобная повязка — головной убор начинающего шамана (рис. 3). В руки собирателей не попадали обычно изображения умерших родственников (*даюл'с*), так как их наследовали по мужской линии из поколения в поколение как семейных и родовых охранителей.²⁴ Единственными в кетских коллекциях Музея являются изображения некоторых мифологических персонажей (№ 6661-49, 60), и особенно одно из них — антропоморфная фигура из олова с семью лучами-отростками, отходящими от головы (рис. 4). Аналогичные изображения, в которых кеты признают мифологического Сына земли, встречаются нарисованными охрой на обтяжке бубна, шаманских нартах-ящичках (*қоссул*), на подвесках (процарапаны или выбиты точками) шаманского костюма,²⁵ но скульптурный вариант является единственным.²⁶

Кроме упомянутых предметных коллекций, из экспедиций последних десятилетий поступил обширный иллюстративный (преимущественно не-

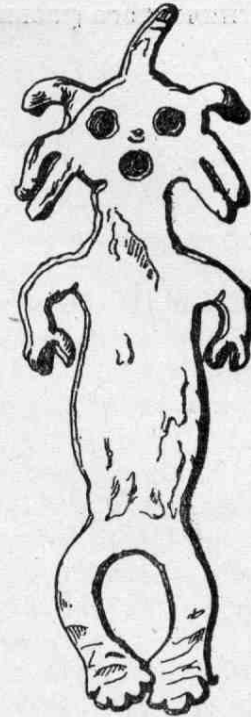

Рис. 4. Антропоморфное изображение из олова, предмет культа (№ 6769-27).

²⁴ Данные предметы (кол. № 6661-75) были получены в 1965 г. от сымских эвенков, среди которых раньше жили несколько кетских семей. После смерти владельцев этих *даюл'с* наследников не оказалось.

²⁵ Кол. № 6769-29; Ануцин В. И. Очерк шаманства..., с. 52, рис. 39; кол. № 4034-153 и др.

²⁶ С. В. Иванов, отмечая архаические черты подобных рисунков, сравнивает их с наскальными неолитическими изображениями человека, обнаруженными в Якутии (Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству..., с. 95—97, рис. 85, 88—90, 92, 94).

гativity) материал (№ И-1706, И-1734, И-1875, И-1876, И-1920, И-1975, И-1993, И-1994, И-2022).

И в настоящее время, отмеченное чрезвычайно возросшим интересом широкого круга исследователей к кетской проблеме, первостепенное значение сохраняет вопрос источниковедческой базы.²⁷ По языку, этнографии и антропологии кетов ныне накоплен обширный материал. Важным звеном в этом общем фонде являются музейные собрания, и прежде всего коллекции МАЭ. Непреходящая их научная ценность и значимость обусловлены уже самим процессом коренного переустройства традиционной бытовой культуры кетов, новыми тенденциями современного этнического развития.

²⁷ Топоров В. Н. Библиография по кетскому языку, с. 243—283.